

ТАГАНРОГСКИЙ ВЪСТНИКЪ

№ 95-й.

ЕЖЕДНЕВНАЯ

№ 95-й.

Телефонъ конторы № 85.

политическая и общественно-литературная газета.

Телефонъ редакціи № 85.

Годъ XXIX-й.

Суббота 10 апрѣля 1910 года.

Годъ XXIX-й.

А. П. Чеховъ о врачахъ.

Долго врачи, какъ таковые, были загадкой для широкой публики.

„Лица, получившія облегченіе своихъ недуговъ, благодаря лѣченію, превозносили и врачей, и науку. Тѣ же, что лѣчились безуспѣшно, хотя

бы и по своей винѣ,—бранили ихъ; но все это дѣлалось голословно.

Психическая жизнь, какъ и вся, впрочемъ, дѣятельность врачей, были скрыты отъ непосвященныхъ.

Врачи, если и писали о своихъ нуждахъ и сомнѣніяхъ, то исключительно только въ спеціальныхъ органахъ.

И потому понятно, что, когда появилась въ 1901 году въ январской книжкѣ „Міра Божьяго“ статья д-ра В. Вересаева „Записки врача“, она не могла пройти незамѣченной. Д-ръ Д. Жбанковъ, помѣстившій въ томъ же журналѣ годъ спустя свое возраженіе, а частью и дополненіе къ статьѣ Вересаева, говоритъ: „Записки Врача“ не принадлежать къ числу обычныхъ, распространенныхъ и довольно безразличныхъ произведеній, которыя съ большимъ или меньшимъ интересомъ прочитываютъ и скоро забываются; доказываетъ это тотъ живой интересъ, съ которымъ набросилась публика на книгу, обсужденіе ея въ различныхъ обществахъ и продолжающаяся цѣлый годъ полемика—рядъ горячихъ похвалъ и еще больше ожесточенныхъ нападокъ“...

Нельзя не признать большихъ достоинствъ и заслугъ за этими двумя статьями Вересаева и Жбанкова. Но все-же, хоть и написанныя популярнымъ языкомъ, онѣ доступны пониманію далеко не всѣхъ читателей. „Записки врача“ написаны отъ имени молодого врача. Но каждому ясно, что это только обобщенный образъ всѣхъ вообще врачей, а не живое лицо, взятое изъ жизни.

Совсѣмъ другое дѣло—третій писатель—врачъ, А. П. Чеховъ. Онъ даетъ въ своихъ произведеніяхъ нѣсколько различныхъ типовъ врачей, рисуя, со свойственной ему сжатостью „компактностью“, какъ онъ самъ выражается въ одномъ изъ своихъ писемъ, часто

въ нѣсколькихъ строчкахъ, вѣрную и яркую картину ихъ дѣятельности, пользы или вреда, который они приносятъ въ зависимости отъ характера этой дѣятельности; часто въ нѣсколькихъ словахъ раскрываетъ передъ читателемъ цѣлую человѣческую жизнь.

Возьмемъ для примѣра изъ разсказа „Жена“ такія слова доктора Соболя: „Цѣлый день то въ больницѣ, то въ разъѣздахъ. — Не только, что къ любимой женщинѣ съѣздить, но даже книжку прочесть некогда. Десять лѣтъ ничего не читалъ! Что-же касается матеріальной стороны: табакъ купить иной разъ не на что.

— Зато у васъ нравственное удовольствіе.

— Чего-съ? — спросилъ докторъ и прищурилъ одинъ глазъ. Нѣтъ, давайте ужъ лучше выпьемъ“.

Всего нѣсколько строчекъ. А въ нихъ, вѣдь, цѣлая трагедія; вся личная жизнь человѣка, цѣликомъ отданная страждущему человѣчеству...

Или докторъ Астровъ въ пьесѣ „Дядя Ваня“, другой врачъ подвижникъ.

„Да... Въ десять лѣтъ другимъ чело-вѣкомъ сталъ. А, какая причина? заработался, нянька. Отъ утра до ночи все на ногахъ, покою не знаю, а ночью лежишь подъ одѣяломъ и боишься, какъ-бы къ больному не потащили. За все время, пока мы съ тобою знакомы, у меня ни одного дня не было свободнаго. Какъ не постарѣть? Да и сама—по—себѣ жизнь скучна, глупа, грязна... Затягиваетъ эта жизнь. Кругомъ тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки; а поживешь съ ними года два—три и мало—по—малу самъ, незамѣтно для себя, становишься чудакомъ. Неизбѣжная участь (закручиваетъ свои длинные усы). Ишь, громадные усы выросли... Глупые усы. Я сталъ чудакомъ, нянька... Поглупѣть—то я еще не поглупѣлъ, Богъ ми-

лостивъ, мозги на своемъ мѣстѣ, но чувства какъ—то притупились. Ничего я не хочу, ничего мнѣ не нужно, никого я не люблю... Вотъ развѣ тебя только люблю (цѣлуетъ ее въ голову). У меня въ дѣтствѣ была такая же нянька“.

Сколько душевной боли и безнадёжной тоски въ этой коротенькой исповѣди!..

А вотъ и еще врачъ—другъ чело-вѣчества, хотя и работающій въ лучшихъ условіяхъ, но все-же больше думающій о другихъ, чѣмъ о себѣ...

Это д-ръ Самойленко въ разсказѣ „Дуэль“.

Вотъ какъ его характеризуетъ самъ авторъ: Докторъ Самойленко, несмотря на свою неуклюжесть и грубоватый тонъ, былъ чело-вѣкъ смирный, безгранично добрый, благодушный и обязательный. Со всѣми въ городѣ онъ былъ на ты, всѣмъ давалъ деньги взаймы, всѣхъ лѣчилъ, сваталъ, мирилъ, устраивалъ пикники, на которыхъ жарилъ шашлыкъ и варилъ очень вкусную уху изъ кефалей; всегда онъ за кого-нибудь хлопоталъ и просилъ и всегда чему-нибудь радовался. По общему мнѣнію онъ былъ безгрѣшенъ, и водились за нимъ только двѣ слабости; во первыхъ, онъ стыдился своей доброты и старался маскировать ее суровымъ взглядомъ и напускною грубостью, и во вторыхъ, онъ любилъ, чтобы фельдшера и солдаты называли его вашимъ превосходительствомъ, хотя былъ только статскимъ совѣтникомъ...

Рядомъ съ этими свѣтлыми личностями встрѣчаются и такіе, какъ докторъ Андрей Ефимовичъ Рагинъ, по словамъ Чехова, замѣчательный чело-вѣкъ въ своемъ родѣ. Въ молодости готовился къ духовной карьерѣ и по окончаніи гимназіи хотѣлъ поступить въ духовную академію, но по настоянію отца, доктора медицины и хирурга, онъ сталъ врачомъ, хотя самъ и

признавался, что никогда не чувствовалъ призванія къ медицинѣ.

„Наружность у него тяжелая, грубая, мужицкая; своимъ лицомъ, бородой, плоскими волосами и крѣпкимъ неуклюжимъ сложеніемъ напоминаетъ онъ трактирщика на большой дорогѣ, развѣвшагося, невоздержаннаго и крутого.

Лицо суровое, покрытое синими жилками, глаза маленькіе, носъ красный. При высокомъ ростѣ и широкихъ плечахъ у него громадные руки и ноги; кажется хватить кулакомъ—духъ вонъ. Но поступъ у него тихая и погодка осторожная, и вкрадчивая“..

Больница, въ которую его назначили врачомъ, оказалась въ ужасномъ видѣ, но „Андрей Ефимычъ отнесся къ безпорядкамъ, повидимому, довольно равнодушно.

Онъ любилъ умъ и честность, но чтобы устроить около себя жизнь умную и честную у него не хватаетъ характера и вѣры въ свое право. Приказывать, запрещать и настаивать онъ положительно не умѣетъ“.

При такихъ условіяхъ, конечно, нельзя быть полезнымъ. Онъ любитъ поговорить, цѣлыми часами спорить и философствуетъ со своимъ пріателемъ—почтмейстеромъ и въ концѣ-концовъ приходитъ къ тому заключенію, что смерть явленіе естественное; слѣдовательно, нѣтъ смысла бороться съ нею.

Страданіе возвышаетъ и очищаетъ душу, пусть же люди страдаютъ и т. д. А выводъ отсюда тотъ, что работать бесполезно. По немногу онъ всё дѣла по больницѣ передаетъ фельдшеру Сергѣю Сергѣевичу, а самъ весь уходитъ въ чтеніе...

Случайно зайдя въ психіатрическое отдѣленіе больницы, палату № 6, онъ знакомится съ однимъ изъ больныхъ, бывшимъ студентомъ, страдающимъ маніей преслѣдованія и любящимъ

пофилософствовать такъ же, какъ и онъ самъ. Заинтересовывается его разговоромъ; заходитъ къ нему сначала изрѣдка, потомъ все чаще, такъ что, наконецъ, обращаетъ на себя вниманіе окружающихъ. Его признаютъ сумасшедшимъ и сажаютъ въ ту же палату № 6, гдѣ сторожъ Никита избиваетъ его. Это такъ дѣйствуетъ на Рагина, что онъ умираетъ отъ удара...

Какъ общественный дѣятель Андрей Ефимовичъ безусловно вреденъ, но въ частной жизни это добрый и сострадательный чело-вѣкъ: во время поѣздки въ Варшаву со своимъ пріателемъ—почтмейстеромъ, онъ отдаетъ почти всѣ свои сбереженія для уплаты картоннаго долга этого послѣдняго. Да и въ палату № 6 заставили его войти голыя пятки жиды Моисейки, вызвавшія въ немъ чувство состраданія.

Чеховъ, вѣдь, если и говоритъ иногда „да виноваты“, то сейчасъ же прибавитъ—но заслуживаетъ снисхожденія“. Этой-то чертой своего характера онъ такъ и прилепается къ себѣ. Раскрывая передъ читателями чело-вѣческую душу, онъ заставляетъ относиться снисходительно къ людскимъ слабостямъ.

Сочиненія Вересаева и Жбанкова вызываютъ, конечно, общій интересъ и симпатіи къ врачамъ. Многихъ, можетъ быть, заставляютъ измѣнить свой взглядъ на докторовъ и медицину; но это больше разсудкомъ, чѣмъ сердцемъ. Чеховъ же, затрагивая своими произведеніями самую глубокія струны чело-вѣческой души, будитъ чувство состраданія и благодарности къ тѣмъ, кто такъ самоотверженно трудится для блага своихъ ближнихъ. Онъ учитъ не только понимать, но и любить и прощать.

Александра Дурново.